

Татьяна Сабурова

‘Революционная автобиография’: вопросы создания, прочтения и интерпретации.

В 2017 году, в связи с 100-летним юбилеем, русская революция стала одной из самых широко обсуждаемых и популярных тем. Ей посвящались конференции, круглые столы, специальные выпуски журналов, переиздавались и перечитывались опубликованные ранее фундаментальные исследования, появлялись новые публикации, ставящие другие вопросы или предлагающие новые подходы. Юбилей революции стал поводом и для публикации источников – различных материалов по истории революционного движения в России, а для журнала «AutobiografiЯ» возможностью не только опубликовать новые автобиографические тексты, связанные с историей революции, но и посвятить специальный раздел размышлениям о специфике революционных автобиографий, жанре письма и способах самоидентификации революционеров, характерных компонентах и структуре автобиографических текстов, зонах умолчания и существующих стереотипах, образах революционеров и иссле-

довательском инструментарии.

Одним из важных вопросов при формировании этого раздела был вопрос о границах – жанровых, хронологических – какие автобиографические тексты можно отнести к ‘революционным автобиографиям’ или ‘автобиографиям революционеров’? Должны ли мы считать автобиографии, написанные участниками революционного движения, ‘революционными’? Чем они отличаются от других автобиографических текстов и что между ними общего? Другой неизбежно возникающий вопрос – кого считать революционером, достаточно ли критерия самоидентификации или участия в революционных событиях, особенно учитывая развернувшуюся уже после 1917 года борьбу за право называться революционером?

Герои текстов этого раздела, на первый взгляд, могут напомнить читателю, знакомому с советской историографией, периодизацию революционного движения в России, основанную на знаменитой работе В.И. Ленина *Памяти*

Герцена. Среди них – декабристы, дающие показания на следствии и обсуждающие воспоминания в сибирской ссылке; народники 1870-х годов, создающие общий нарратив и вписывающие свои жизни в историю революционного движения, стремящиеся исключить из воспоминаний все, несоответствующее с их точки зрения, образу настоящего революционера; Лев Троцкий, чье имя во всех смыслах неразрывно связано с историей русской революции и вызывающее бурные дискуссии, особенно в этом юбилейном году. Мы сознательно не ограничивали круг автобиографических текстов только относящимися к 1917 году, так как исследовать революционную традицию в России важно в более широком контексте, особенно для понимания складывания ее исторического нарратива и определенного ‘канона’ автобиографического письма революционеров, ставшего частью политической борьбы, средством формирования коллективной идентичности и социальной памяти.

Независимо от того, можно ли называть декабристов революционерами (не включаясь в дискуссию о сущности и характере движения декабри-

стов), без ‘декабристского мифа’ невозможно представить формирование образа революционера, той системы моральных норм, которая нашла отражение в поведении и жизнеописаниях участников революционного движения второй половины 19—начала 20 вв. Насколько соотносятся между собой различные эго-документы и какие вопросы можно поставить, исходя из исследовательских задач и специфики источника, какие различные подходы и методы можно использовать, все это демонстрируют авторы представленных в разделе статей.

Но несмотря на разные подходы, авторов статей объединяет обсуждение вопроса не только о чем и как писали авторы автобиографических текстов, но и о чем они умолчали и почему, какие цели при этом преследовали и какие влияния испытывали, а также как эти ‘зоны умолчания’ сказались на последующих интерпретациях, формировании образов революционеров и истории революционного движения в целом. Ключевыми вопросами для нашего раздела стали также -- какие функции выполняли автобиографии революционеров и как конструировались революционные жизнеописания, каким образ-

цам следовали их авторы и можно ли говорить о 'революционной' или 'радикальной' автобиографии как особом типе автобиографического письма? Почему автобиографии народников (особенно женские автобиографии, такие как Екатерины Брешко-Брешковской, Веры Засулич, Веры Фигнер) до сих пор оказывают такое влияние на исследователей, с трудом преодолевающих стереотипы, часто следующих за автобиографами в описании 'идеальных ролей', воспринимая их как реальность? Как автобиография, например, Льва Троцкого стала оружием в политической борьбе и как намеренное

'забывание' своего прошлого сказывается на авторе жизнеописания? Эти и другие вопросы, обсуждаемые исследователями из Великобритании, Германии, России и Швейцарии, позволяют не только по-новому посмотреть на хорошо знакомые автобиографические сочинения, их авторов и героев, задуматься о жанре и моделях 'революционной автобиографии', но также обсудить другую 'оптику' исследования истории русской революции и формирования революционной традиции в России.